

М. С. ЩЕПКИНЪ — ГАСТРОЛЕРЪ.

(Замѣтка).

ПАВЛА РОССІЕВА.

В своихъ воспоминаніяхъ «Сцена и жизнь въ провинціи и въ столицѣ» покойный артистъ Иванъ Ивановичъ Лавровъ записалъ подѣ 1850-мъ годомъ:
«Приѣхавъ въ Полтаву, мы и тутъ встрѣтили такую же помѣху. На дверяхъ театра афиша гласила: «Проѣздомъ въ Одессу артисты Императорскихъ Московскихъ театровъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ и Василій Игнатьевичъ Живокини будутъ играть нѣсколько спектаклей».

— Тыфу! Чортъ васъ поберитъ!..—загремѣлъ Рыбаковъ.—Куда ни сунься, вездѣ наткнешься на эту столичную саранчу!

То, что сказалъ про столичныхъ артистовъ Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ, остается и доселѣ непреложнымъ въ устахъ большинства провинціальныхъ актеровъ, для которыхъ Щепкины, Живокины и т. п. саранча потому, что опустошаютъ кошельки провинціальной публики. Недовольные жрецы и жрицы искусства разсуждаютъ такъ: не наѣзжай столичныя знаменитости, публика смотрѣла бы насъ, но, повидавъ корифеевъ, она отъ насъ уже отворачивается; Щепкины возражаютъ бѣднымъ провинціальнымъ собратьямъ: вы, молъ, такъ убоги, что провинціалъ лучше согласится остаться безъ театра, чѣмъ смотрѣть убожество да еще платить за это трудовые рубли. Это—точки зрѣнія, которыя никогда не согласуются. По моему, правы и столичные гении и провинціальные Шмаги, Коринкины и т. д.

Чуткость подсказывала убогому провинціальному лицедѣю, что онъ сталъ необходимъ для умственного обихода провинціала. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой четверти 19-го столѣтія сознаніе русскаго человѣка уже довольно усвоило, что театръ есть не только лучшее изъ увеселеній, но и болѣе всѣхъ соединяющее полезное съ пріятнымъ,—увеселеніе, которое

успокаиваетъ чувства, исправляетъ нравы, возвышаетъ душу и образовываетъ сердце. Такія и подобныя мысли проводятся во многихъ журнальныхъ статьяхъ того времени, въ путевыхъ запискахъ и впечатлѣніяхъ. Пав. И. Сумароковъ, нынѣ забытый писатель, современникъ Державина и Пушкина, не зря сказалъ, еще въ самомъ началѣ Александровской эпохи, что «мирнаго, полезнаго увеселенія ищутъ» тамъ, гдѣ «сорокъ лѣтъназадъ забавлялись кулачными боями и медвѣжьей травлею». А гдѣ на Руси ими не забавлялись?

Ради «мирнаго, полезнаго увеселенія» не гнушались сараями, которые чаще всего сходили за храмы Мельпомены, и, можетъ быть, даже не острили при видѣ какихъ-нибудь четырехъ свѣчекъ, на всѣхъ стѣнахъ зрительнаго зала, и полдюжины скрипачей, коптившихся «за сальнымъ, въ глиняныхъ шандалахъ, освѣщеніемъ». Во истину, цѣль оправдывала средства ¹⁾. И развѣ не въ сараи слеталась «столичная саранча» «дивить своимъ искусствомъ свѣтъ?» Гдѣ же въ провинціи Александровскихъ временъ были настоящія театральныя зданія? Теперь даже горе-гастролеръ ни за что не станетъ играть въ обстановкѣ, съ которою вполнѣ мирились Щепкинъ, Мартыновъ, Живокини, не говоря уже о сотняхъ талантливыхъ Несчастливцевыхъ.

Щепкина въ положеніе саранчи ставили *какъ будто бы* два обстоятельства: репертуаръ москоаскаго Малаго театра и нужда въ деньгахъ А. В. Щепкина пишетъ иначе; у нея мы читаемъ: «игра въ провинціи привлекала М. С. не потому только, что онъ приобрѣталъ этимъ новыя денежныя средства для семьи своей: она доставляла ему новыя артистическія наслажденія... Онъ выступалъ въ новыхъ пьесахъ, или бралъ новую, напередъ разученную имъ, роль, которая не входила въ репертуаръ его въ Москвѣ. Такъ манила его одна роль въ пьесѣ Островскаго—«Бѣдность не порокъ». Хотя лицо, созданное Островскимъ, не вполнѣ удовлетворяло тогда Михаила Семеновича, какъ онъ высказывалъ, тѣмъ не менѣе и пьеса

¹⁾ «Дамскій Журналъ», 1828, XVII.—Павелъ Сумароковъ, «Досуги Крымскаго судьи, или Второе путешествіе въ Тавриду», ч. I, 1803 г.

и роль нравились ему, и онъ рѣшился ѣхать въ Нижній-Новгородъ, чтобъ тамъ играть эту роль ¹⁾. По свойственной ему деликатности, онъ не хлопоталъ получить эту роль въ Москвѣ, не желая отнимать ее у Пр. Мих. Садовскаго, которому принадлежала бѣльшая часть ролей въ комедіяхъ Островскаго ²⁾. Слова Щепкиной идутъ совершенно въ разрѣзъ утвержденіямъ Ив. Ѳ. Горбунова. Отъ него мы узнаемъ, что Щепкинъ прямо-таки «рѣзко порицалъ» произведеніе Островскаго; онъ говорилъ: «Бѣдность—не порокъ, да и пьянство—не добродѣтель» ³⁾. Но на репертуаръ Малаго театра знаменитый комикъ жаловался хотя бы въ перепискѣ съ И. И. Сосницкимъ; точно такъ донимала его нужда. Конечно, понятіе о нуждѣ весьма условно и растяжимо. Членъ Англійскаго клуба, гдѣ онъ не прочь былъ поиграть въ карты, М. С. Щепкинъ, поэтому, былъ бѣднякомъ на особый ладъ: его домъ былъ всегда полонъ гостей, которые занимали даже цѣлый флигель, а вѣдь собственная семья артиста никогда не состояла менѣе, чѣмъ изъ девяти человѣкъ. «Бѣдность», очевидно, не мѣшала широкому, старо-московскому, хлѣбосольству, отъ котораго теперь сохраняется лишь тѣнь.

Между тѣмъ, Щепкинъ такъ часто жалуется на недостаточность средствъ и въ 1840-мъ году обращается даже къ директору московскихъ театровъ М. Н. Загоскину съ просьбою о десяти тысячномъ займѣ. Государь повелѣлъ выдать ему пособіе безъ возврата въ 4 тысячи рублей ассигнаціями, которыя могли временно покрыть нужду, но не могли, разумѣется, упрочить благополучія артиста-хлѣбосола ⁴⁾. Благополучіе, такимъ образомъ зависѣло въ большей или меньшей степени отъ гастролей. И вотъ, 16-го мая 1846 года уставшій Щепкинъ и больной другъ его В. Г.

¹⁾ Это относится къ 1855 г. Въ то время въ Н.-Новгородѣ постояннаго зимняго театра не было, а открывался театръ только въ ярмарку и былъ въ завѣдываніи дирекціи. Съ 1-го декабря 1855 г. открылся на Верхн. Базарѣ театръ въ домѣ Бугрова.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1889, кн. 4.

³⁾ Полн. собр. соч. Ив. Ѳ. Горбунова, изд. Маркса, т. II, кн. 4, стр. 382.

⁴⁾ Баронъ Н. В. Дризенъ, «Матеріалы къ исторіи русскаго театра», стр. 204—205.

Бѣлинскій отправляются на югъ. Они ѣдутъ въ Крымъ и Щепкинъ попутно дарить городамъ искры своего выдающагося таланта. Онъ не гнушается городами, которые въ наше время слывятся «не театральными», не гнушается потому, что «въ каждомъ домѣ есть деньги... непременно есть»... и еще потому, что въ тѣ времена было иначе, и «не театральные» города не гнали Мельпомены. Время и обстоятельства сдѣлали ихъ иными. Калуга, Воронежъ, Курскъ, Харьковъ, Одесса, Николаевъ, Херсонъ, Севастополь, Симферополь—вотъ точки на картѣ Россійской Имперіи, гдѣ друзья: артистъ и критикъ останавливались и Щепкинъ собиралъ дань съ многочисленныхъ почитателей своего таланта. Въ чемъ же онъ выступалъ? Вопросъ о гастрольномъ репертуарѣ тѣмъ болѣе интересенъ, что, за 10 лѣтъ передъ тѣмъ, артистъ жаловался Сосницкому на то, что «сдѣлался здѣсь (въ Москвѣ) на сценѣ какою-то ходячею машиною или вѣчнымъ дядею»¹⁾. Отвѣтъ есть. «Щепкинъ далъ въ Калугѣ шесть представлений и сыгралъ, по обыкновенію своему, превосходно въ комедіяхъ: «Мирандолина» роль Вальдорфа, «Филиппъ, или семейная гордость»—Филиппа, «Секретарь и поваръ»—Суффле, «Два купца и два отца»—Бонара, «Женитьба»—Кочкарева; въ сценѣ Гоголя «Тяжба» Бурдюкова. Въ драмѣ «Матрость»—и въ «Ревизорѣ» Гоголя Щепкинъ возбудилъ всеобщій восторгъ...²⁾.

Въ Симферополь Щепкинъ съ Бѣлинскимъ пріѣхали числа 4-го сентября и пробыли здѣсь 10 дней. По просьбѣ симферопольской публики Щепкинъ сыгралъ нѣсколько спектаклей съ труппой Жураковского. «Я былъ въ театрѣ на спектаклѣ, въ которомъ участвовалъ Щепкинъ,—вспоминаетъ И. Шмаковъ; играли пьесу «Матрость»... Публика, не обращая вниманія на жалкую игру прочихъ артистовъ, приходила въ неистовый восторгъ при каждомъ словѣ, при каждомъ куплетѣ, спѣтомъ Щепкинымъ. Въ особенности восторгался Александръ Николаевичъ Сѣровъ, извѣстный впослѣдствіи композиторъ и музыкальный критикъ»³⁾. Какъ видимъ, и

1) Записки и письма М. С. Щепкина, стр. 179.

2) Извѣстія Калуж. Учен. Архивн. Комиссіи, вып. XXI.

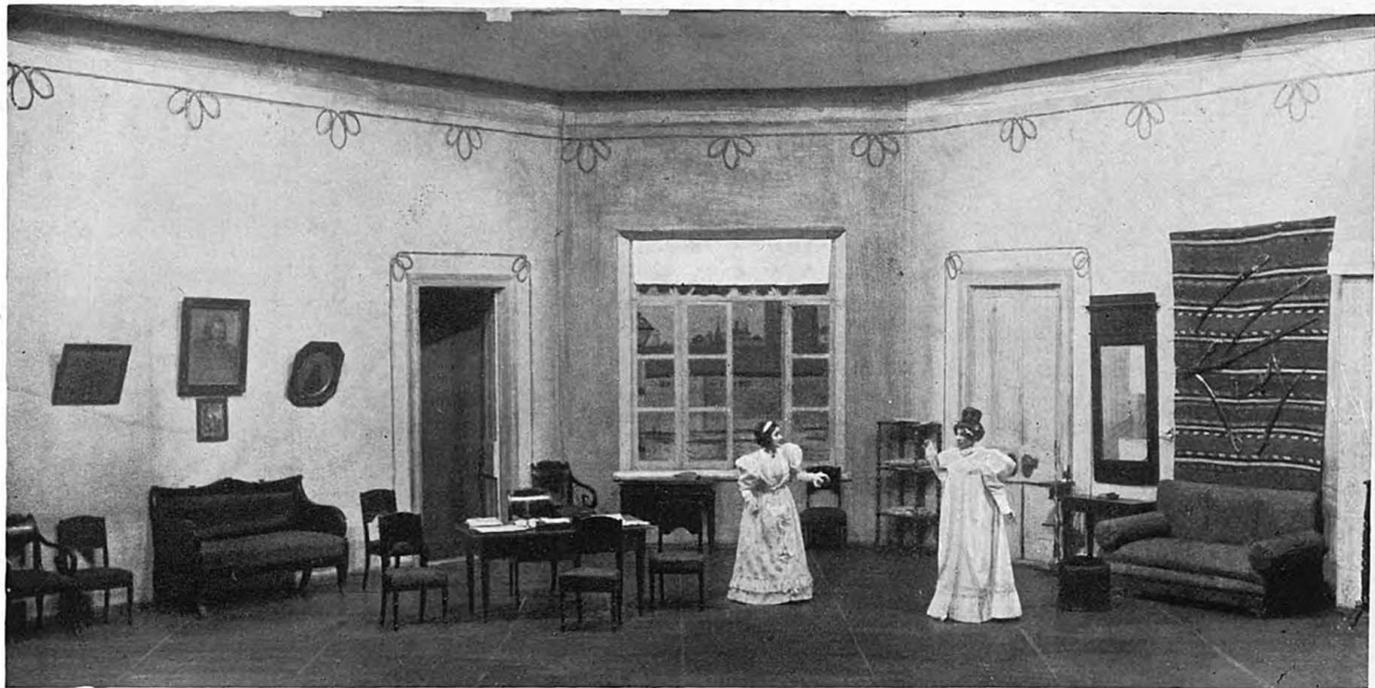
3) Древняя и Новая Россія, 1876, № 2.

калужанъ и симферопольцевъ приводила въ восторгъ, напимѣръ, одна и та же французская мелодрама «Матросъ». Что Щепкинъ игралъ матроса замѣчательно, свидѣтельствуеъ и С. Т. Аксаковъ, съ мнѣніемъ котораго необходимо считаться. Нѣтъ сомнѣнія, что «Матросъ», какъ, вѣроятно, и большинство названныхъ піесъ, ставились если не во всѣхъ, то почти во всѣхъ городахъ, посѣщенныхъ Щепкинымъ послѣ Калуги до Симферополя. Но что это за репертуаръ? Развѣ, въ сущности, это не та дребедень, которая тяготила великаго комика въ Москвѣ? Гоголь странно какъ-то очутился въ компаніи съ пигмеями. Спрашивается: что заставляло артиста разыгрывать какого-нибудь Суффле, въ которомъ онъ впервые выступилъ еще 20 лѣтъ тому назадъ¹⁾? Отчего было не освѣжить репертуара, не отмахнуться отъ надоѣвшихъ ролей, не обратиться хотя бы къ любимому Мольеру? Недоумѣніе остается недоумѣніемъ, и остается навсегда, коль скоро остановишься надъ тоскою Щепкина по комической въ высокомъ значеніи роли.

Несчастье великаго артиста заключалось, кажется, больше всего въ томъ, что онъ рано родился и что талантъ его созрѣлъ задолго до появленія нашего самобытнаго репертуара, задолго до переворота, совершеннаго Островскимъ въ царствѣ «русской» Мельпомены. Волей-неволей Щепкинъ впиталъ въ себя весь ароматъ пустынькихъ, большею частью, французскихъ водевилей и мелодрамъ, ужасная атмосфера которыхъ разряжалась куплетомъ. Если же не водевиль и не мелодрама, то неистовая патриотическая трагедія, сотканная изъ корявыхъ стиховъ и чуждая подлинно-изящнаго. Гдѣ же тамъ типы? Гдѣ же тамъ настоящіе живые люди или историческія личности, которыхъ сумѣлъ представить Чаевъ, первый, нанесшій ударъ Кукольникамъ? Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Капнистъ, Гоголь, несмотря на всю ихъ яркость, не затемнили собою малыхъ планетъ, въ родѣ Шаховскаго, Писарева, Зотова и мног. друг., и очень мало повліяли на перерожденіе репертуара.

---

¹⁾ Пименъ Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра».

«РЕВИЗОРЪ» Н. В. ГОГОЛЯ НА СЦЕНЪ АЛЕКСАНДРИНСКАГО ТЕАТРА.
Г-ЖА САВИНА (АННА АНДРЕЕВНА) И Г-ЖА ДОМАСHEВА (АННА АНТОНОВНА).

Но у медали двѣ стороны. Очень часто нелѣпая,—пѣски въ стихахъ дали возможность Щепкину усвоить всѣ изгибы риёмованной рѣчи. Грибоѣдовъ, проходившій съ нимъ роль Фамусова, видѣлъ предъ собою не только талантливаго комическаго актера, но и виртуознаго чтеца стиховъ.

Щепкинъ состарился, талантъ его почувствовалъ утомленіе, творческая способность его начала угасать, когда бытовая комедія и истинно-русская драма, наблюденныя Островскимъ, стучались въ двери Императорскихъ театровъ. Допустимъ и согласимся, что въ сороковыхъ годахъ Щепкину трудно было вылѣзть изъ кожи повара Суффле, матроса, Филиппа и прочихъ дѣтищъ французскихъ писателей, однако не съ конца-ли сороковыхъ годовъ начинается творчество Островскаго? И что же? Этотъ драматургъ ничѣмъ не обязанъ Щепкину, состарѣвшемуся льву и сердившемуся оттого, что на сценѣ появились *новые* люди, въ поддевкахъ, въ сапогахъ съ голенищами, да, да, новые, хотя ими кишмя-кишѣла Москва, которой они составляли корень.

Передъ ними «Михаилъ Семеновичъ долженъ былъ посторониться», по выраженію Горбунова. Дряхлѣющей левъ и посторонился. Зато, если отдѣлать Фамусова и гоголевскихъ героевъ, пожалуй двѣ роли изъ Тургеневскаго театра, что останется цѣннаго? Страшно сказать: ничего... И есть-ли, право, прочная духовная связь у Малаго (московскаго) театра съ Щепкинымъ, разъ это—«домъ Островскаго?» И могъ ли Щепкинъ служить наглядною школою для актерской молодежи, которую манили къ себѣ Островскій, А. Потѣхинъ, Чернышевъ, Писемскій, Владыкинъ? Съ нимъ умиралъ и легковѣсный водевиль. На развалинахъ водевильнаго зданія строили очаровательный дворецъ высокой комедіи Мартыновъ, Садовскій, С. Васильевъ и др. Здѣсь было мѣстечко и для Мольера и для водевильчика, но въ стѣнахъ, какъ въ зеркалѣ, отражалась главнѣе всего великая Русь со всѣми ея сословіями, съ ея горями и радостями, заботами и сквернами...

Въ качествѣ талантливейшаго артиста Щепкинъ былъ самостоятеленъ и независимъ; онъ бралъ все изъ себя и очень рѣдко доводилось

брать изъ окружающей жизни: вотъ когда воплощались образы, созданные Гоголемъ и Грибоѣдовымъ. Только тогда. На старости лѣтъ М. С. Щепкинъ остался съ пяткомъ превосходныхъ по существу ролей и съ воспоминаніемъ о бойкихъ переводныхъ водевиляхъ, которые почти перестали быть «вещью» и стали «гилью». Но, гастролируя, онъ вынужденъ былъ играть ихъ, либо мелодрамы въ родѣ старенькаго «Матроса», сдобривая надѣвшее «Ревизоромъ», или дѣлая попытки «попробовать себя» въ пьесахъ Островскаго. Надо было пробовать себя, такъ какъ новое время желало и новыхъ пѣсень! «Я все еще не могу придти въ нормальное состояніе отъ волшебнаго, очаровательнаго видѣнія. У меня все еще стоитъ передъ глазами городничій, Матросъ, Михайло Чупрунъ ¹⁾ и Любимъ Торцовъ. Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста стоитъ великій человекъ, кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой, незабвенный Михайло Семеновичъ Щепкинъ»,—пишетъ въ дневникѣ Т. Г. Шевченко послѣ гастролей Щепкина въ Нижнемъ-Новгородѣ 1857 года.

Восторженный отзывъ малороссійскаго поэта можетъ быть принятъ только съ осторожностью. Отъ 1857-го до 1863-го, года смерти М. С. Щепкина, всего шестилѣтній промежутокъ. Артистъ былъ уже не тотъ пламень, который ярко горѣлъ еще въ 40-хъ годахъ и заставлялъ восторгаться имъ не только публику, но даже и актеровъ ²⁾; Щепкинъ дряхлѣлъ, утрачивалъ память и провинціальная публика уже не съ прежнимъ усердіемъ посѣщала спектакли съ знаменитымъ московскимъ гастролеромъ. Поколѣніе дѣтей не считало нужнымъ придерживаться взглядовъ отцовъ и строго относилось къ словесности, къ искусству, къ писателямъ и къ артистамъ. «Всякому свое». И «всякому овощу свое время». Каковъ былъ взглядъ стараго поколѣнія на словесность, таковъ же онъ былъ и на искусство и на жрецовъ его, а каковъ онъ былъ, это хорошо опредѣлили М. А. Дмитріевъ: «тогда (отъ начала XIX вѣка до 40-хъ годовъ?)

¹⁾ Изъ водев. «Москаль-Чаривникъ».

²⁾ См. Ив. Ив. Лавровъ, «Сцена и жизнь».—«Русская Старина», 1880, т. XXIX, стр. 338.

читали *много*, читали *все*, не мудрствуя лукаво, и потому находили больше удовольствія въ чтеніи; но были благодарны писателю не только за удовольствіе, а и за самый трудъ его, за желаніе доставить удовольствіе читателямъ. Тогда всякому автору приписывали дарованіе, въ той или другой степени, но отличающее его отъ людей обыкновенныхъ. Тогда было еще уваженіе»... ¹⁾. Достаточно замѣнить только слова: словесность—театромъ, автора—актеромъ и откроется взглядъ тогдашней публики на театръ и актера и не большую склонность ея къ критикѣ. Дѣти же стали требовать гораздо большаго и стали безжалостны къ старымъ кумирамъ. Опять-таки: «всякому овощу свое время,—не обезсудьте, ваше божество!» И Щепкинъ, на закатѣ своей долгой жизни, почувствовалъ всю горечь разочарованія и измѣны публики. Москвичи болѣе или менѣе остались вѣрны своему комику; еще за годъ до смерти онъ въ бенефисной роли «Нахлѣбника» вполне полонилъ театръ, но провинція «не узнавала въ дряхломъ старикѣ прежняго Щепкина и даже давала очень больно ему это чувствовать: былъ случай, что приходилось за отсутствіемъ зрителей отмѣнить даже такой спектакль, какъ Горе отъ ума». Это, впрочемъ, незадолго до смерти, по старой дорогѣ въ Ялту; слѣдовательно, Калуга, Воронежъ, Курскъ, Харьковъ и т. д. молились уже новымъ богамъ, и отъ колючей, горькой обиды великій артистъ не былъ застрахованъ ни калужско-курскимъ захолустьемъ, ни составомъ публики: вѣдь Щепкинъ, какъ и всѣ гастролеры да и антрепренеры того времени, придерживался преимущественно ярмарокъ и военныхъ стоянокъ. Послѣ этого, чего стоило выраженіе Гоголя, будто бы талантъ М. С. Щепкина никогда не состарѣется?!

---

¹⁾ «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 99.